

Трудовые резервы

Фото из семейного альбома Лобановых

Адольф Николаевич Лобанов. 9 мая 2005 г.

7 марта на 91-м году ушел из жизни Адольф Николаевич Лобанов, человек редкого достоинства, участник Великой Отечественной войны, крупный спортивный руководитель... Светлая ему память...

Ровно три года назад, когда задумывалась книга об истории южноуральского дзюдо, редактор *БК* встретился с Адольфом Николаевичем и записал его рассказ о начале тренерской карьеры Александра Миллера в спортивном обществе «Трудовые резервы». А еще наш герой немного рассказал о своей молодости...

на слово: мол, хорошо, что рвется, нам как раз нужен специалист, способный создать с нуля секцию в одном из профессионально-технических училищ, а в перспективе «заразить» борьбой наши «Трудовые резервы». Тем более идея всерьез заняться дзюдо у нас уже была, но товарищ, который взялся за дело, просто не справился.

В те годы я работал заместителем председателя областного совета ВДСО «Трудовые резервы», занимался контролем за учебным процессом в профессионально-технических училищах и организацией спортивно-массовой работы. В главном управлении ВДСО был специальный отдел физической культуры и спорта, который занимался подбором дипломированных специалистов для всей сети училищ и спортивных клубов.

Селекция специалистов была выверенная, жесткая: потенциальный сотрудник сдавал документы в отдел кадров; если они соответствовали заявленным требованиям, уже сам кандидат на должность приглашался на личное собеседование. В завершение процедуры я визирует документ, который оформлялся приказом по управлению.

Саша Миллер понравился с первого взгляда. Он сразу уверенно и спокойно заявил: «Я хочу поднять дзюдо в любом вашем училище». А у нас была проблема с преподаванием физкультуры в училище № 101. Буквально за три текущих месяца здесь сменились три физрука: один банально запил, другой по болезни не мог проводить занятия, у третьего возникли сложные семейные обстоятельства.

Поэтому я честно предупредил молодого специалиста, что из-за текучки кадров в училище непростая обстановка и придется трудно. Тот ответил, мол, никаких трудностей не боится, лишь бы разрешили создать свою секцию. И я согласился: «Пожалуйста, если проявишь себя в дзюдо, мы

поможем материально, оденем-обуем команду и даже профинансируем поездки на соревнования...»

Так мы и договорились, а на прощание я предупредил: «Работай спокойно, втягивайся, зря дергать не будем, и вообще у тебя кредит доверия на целых два года, но потом будешь держать ответ по-взрослому». И Саша начал работать... Понятно, что в училище был сложившийся педагогический коллектив во главе с директором и разные ученики самого «отчаянного возраста», поэтому, естественно, всякое случалось, были нюансы, есть что вспомнить, но постепенно дело пошло на лад. Это стало видно, как говорится, невооруженным глазом...

Советской системе профтехобразования контроль за процессом обучения был основательный — в течение года специалистами областного управления проводились плановые проверки всех училищ, включая две капитальные ревизии. Мы старались следить за квалификацией преподавательского состава, качеством и техническим оснащением проводимых занятий. Хотя, конечно, встречались и такие «педагоги», в частности физруки, которые работали спустя рукава. Например, какой-нибудь лентяй бросит мяч пацанам, они носятся как угорелые, а тот где-то бродит по своим надобностям.

Как раз в середине 1970-х по ведомству вышел приказ, утверждающий новую оздоровительную программу, предусматривающую обязательную утреннюю зарядку в общежитии. И Миллер сумел настроить этот процесс на должном уровне, а ведь дело-то непростое — попробуй поднять вовремя всех этих гавриков да заставить делать гимнастику. А еще во время большой перемены надо было придумать какие-нибудь игры и проч. И уже после всех учебных занятий начиналась работа секций, тренировки, соревнования, внеклассные мероприятия. Вот из чего складывалась работа молодого преподавателя.

Прошло время, Миллер немного освоился и обратился ко мне: «Я хочу набрать первую группу в дзюдо». — «Набирай». Так в училище помимо волейбольной и лыжной секций появилась и секция борьбы. Кстати, должность у него называлась «руководитель физического воспитания». Общая нагрузка составляла 720 часов, из которых 360 часов руководитель работает в счет ставки, зависящей от контингента учащихся: до 400 человек — одна ставка, 600 — другая, 700 — третья и так далее. А еще 360 часов он вел за отдельную плату, как преподаватель.

Авторитет завоевал быстро, что было не просто. Училище № 101 располагалось на Троицком тракте в окружении довольно «разухабистых» поселков: Колупаевки, Локомотивного, Медведевки, Контейнерной. Мальчишки там росли, мягко говоря, озорные... Как правило, после восьмого класса они уходили из школы и в лучшем случае поступали в училище, чтобы приобрести рабочую специальность. В 101-м в основном готовили автослесарей, сварщиков, электриков, киномехаников, но были

и две группы девочек, которых учили компьютерной грамоте.

Миллер вел уроки физкультуры и параллельно создавал свою секцию борьбы самбо и дзюдо. Работал с настроем, увлеченно, и у него многое стало получаться. Мы увидели толк в его начинании и выделили деньги на заключение договора с институтом физкультуры об оказании методической помощи. И не только руководство училища и ДСО «Трудовые резервы» оценили его работу, тут главное, что пацаны из соседних поселков перестали бить стекла в здании и «бомбить» территорию. Саша сумел найти общий язык даже с записными хулиганами, многие из которых оказались у него в секции. И с тех пор — ни одного выбитого стекла в училище и общежитии.

Секция дзюдо СГПТУ-101

Через короткое время в секции борьбы занимались до 150 мальчишек. А ровно через год по просьбе самого Миллера состоялся его открытый урок с приглашением руководства «Трудовых резервов». Урок прошел хорошо, мы внимательно посмотрели и остались довольны работой. Удивило нас, что секция дзюдо работала до самого отбоя. Зал практически все время был занят. Тренер сразу установил тесный контакт с мастерами-преподавателями училища. Например, Виталий Владимирович Иванов, «мастер золотые руки», сделал под заказ три специальных тренажера для силовой подготовки: на 16, 4 и 2 человека. А сам тренажерный зал появился после того, как Миллер убедил директора училища оборудовать помещение пустующего склада для атлетической гимнастики. Там стали заниматься не только борцы, но и все желающие.

А вскоре нам удалось перевести его на должность тренера, хотя поначалу такой ставки не было, Москва ее не давала. Но я сумел убедить столичное начальство, и Миллер официально стал тренером по дзюдо, а на место руководителя физвоспитания приняли другого человека. Так они вместе и трудились. Саша проводил уроки физкультуры

ЧГИФК, 1975

ры в училище и уже как тренер вел свою секцию. Мы не обижали училище деньгами, тренер получал нормальную зарплату, а когда заключили договор о сотрудничестве с институтом физкультуры, мы закрепили за училищем автобус. Естественно, стало легче работать: можно было запросто всем вместе отправиться в «Динамо» на день борьбы, или поехать в какой-то город области на очередной турнир, или в летний лагерь...

Пошла череда соревнований. В любом турнире для начинающих непременно выступали воспитанники Миллера, а в училище соревнования проводились буквально каждую неделю. Вот так тренер постоянно мотивировал и натаскивал ребят. А вскоре у него появился первый мастер спорта, призер юниорского первенства Советского Союза — Василий Киселев. Он дважды занимал второе место на первенстве СССР, после чего стал выезжать на всесоюзные и зарубежные турниры.

В конце 1970-х ни один тренер в Челябинской области не имел возможностей, которые были у Миллера: автобус есть, питание и общежитие спортсменам обеспечено, а еще особо одаренным полагалось дополнительное питание. Как результат, буквально за два-три года в училище появилось несколько мастеров спорта. И мы на базе 101-го училища начали создавать Центр олимпийской подготовки по дзюдо. Причем Москва предоставила под него целевое финансирование. Центр дзюдо занял целый этаж в общежитии училища. Для спортсменов были созданы прекрасные бытовые условия — в каждой комнате имелся холодильник, телевизор, удобная мебель.

К началу 1980-х годов все лучшие спортсмены ДСО «Трудовые резервы» из самых разных училищ переводились

На спортивной трибуне — А. Н. Лобанов и А. С. Жимоедов, руководитель физвоспитания СГПТУ-34 г. Копейска. Май, 1984

Слава Великому Октябрю!

лись в 101-е училище и жили в олимпийском центре. Здесь проводилось до семи соревнований в год — юношеские первенства ЦС «Трудовые резервы», матчевые встречи с разными командами и т.д. Миллер нередко выставлял по 40–50 человек на подобных турнирах. Москва высоко оценила наши организационные возможности — например, юношеские первенства Россовета систематически проводились именно у нас. Под такие крупные мероприятия Миллер умел мобилизовать буквально всех дзюдоистов и тренеров.

Кстати, Харис Мунасипович Юсупов неизменно принимал участие во всех соревнованиях Российского и Центрального Советов ВДСО «Трудовые резервы», проводимых в Челябинске, как правило, в качестве именитого гостя. Он хорошо знал и ценил молодого тренера, подсказывал ему, поддерживал в его начинаниях. И у нас с Сашей, несмотря на разницу в возрасте, личные отношения сложились на зависть многим. Некоторые даже пытались упрекать: «Он ваш любимчик, вы слишком ему помогаете...» Но я спокойно объяснял: мол, есть за что — раз у тренера конкретные результаты, его обязательно нужно поддерживать. Тогда добьется еще большего. Тут логика ясная: какой смысл помогать тому, кто не тянет? А тому, кто справляется, надо давать новые возможности.

Ко мне нередко обращались разные тренеры, например, по легкой атлетике или биатлону: мол, почему Миллеру оказывается такое особое внимание? Но они же сами и соглашались: да, эта игра стоит свеч, он получает дополнительные блага не просто за красивые глаза и усы, а за успешную работу и конкретные результаты. Тут еще один важный фактор: дети сильно тянулись к Саше, потому что он умел находить подход к каждому ребенку и ко всему коллективу в целом. Как только в секции появлялся новенький — тренер тут же вводил его в колею. В основном секция пополнялась 14–15-летними ребятами из местных поселков, которые поступали в училище, но со временем всё больше становилось школьников. Тут уже у тренера был широкий выбор.

Я, как опытный руководитель, понимал, что Миллер растет быстро и скоро ему станет тесно в училище, даже несмотря на создание нашего олимпийского центра.

На аэродроме

Авторитет молодого тренера рос на глазах: его уже знали не только в России, но и в Грузии, Казахстане, Украине, практически везде. В стране не осталось ни одного уголка, где бы развивалось дзюдо, а Миллер там не побывал. Поэтому его переход в «Динамо» в конце 1980-х был понятен, как и то, что к началу 1990-х он практически заменил легендарного Хариса Юсупова во главе южноуральского дзюдо. Кстати, никто формально не назначал Миллера главным тренером области — он сам взвалил на себя этот «воз». А его лучшие ученики, собранные в 101-м училище: Олег Карпов, Талгат Аубакиров, Вячеслав Шишкин, Салават Мингазов — стали лидерами южноуральского дзюдо и вышли на международный уровень.

Но кроме, скажем так, «служебных отношений», у нас с Александром Евгеньевичем сложились просто дружеские отношения. Я старался хотя бы раз в неделю заглядывать в училище и нередко оставался там до отбоя, а потом на нашем же автобусе увозил с тренировки ребят, которые жили в городе. Мы ведь еще создали восстановительный центр с финской сауной, бассейном, медицинским кабинетом. Я очень гордился такой работой, старался привозить в училище интересных гостей для обмена опытом и просто отдохнуть, попариться... Хорошее было время, хорошее.

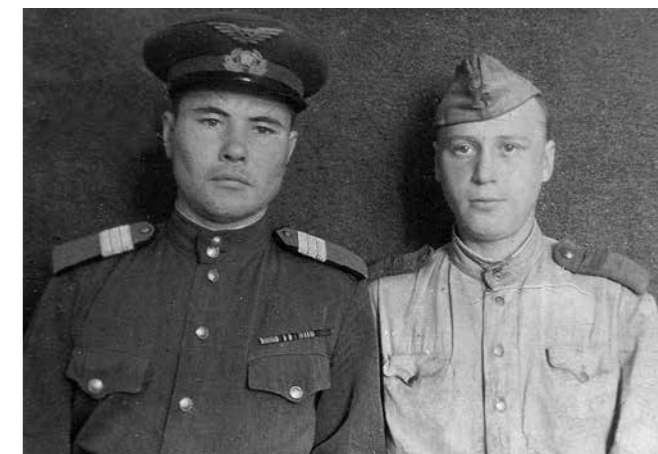
В середине 1980-х наша страна стала меняться. Мне уже было за 60, многое я понимал, но старался держать в себе и внешне не показывать. Только однажды вскользь обмолвился на эту тему с Сашей. Мы были сосредоточены на работе, что и помогало сохранять присутствие духа. В декабре 1986-го я оставил «Трудовые резервы» в связи с выходом на пенсию, но уже с 13 января 1987 года стал заведующим лабораторией на кафедре физвоспитания в Челябинском политехническом институте (нынешнем ЮУрГУ), в котором проработал еще 25 лет...

Когда распался Советский Союз, естественно, прекратилось централизованное финансирование Всесоюзного ДСО «Трудовые резервы», стали закрываться областные общества, но в Челябинской области оно продолжало работать какое-то время. А вот наши отношения с Миллером сохранились на всю оставшуюся жизнь: он мне помогал в чем-то, и я ему тоже. Помимо служебных, деловых от-

ношений, наверное, нас связывает и «спортивная косточка». Я ведь с детства, как все советские мальчишки, играл в футбол, волейбол, бегал...

22 июня 1941 года наша детская команда (15–16 лет) «Спартак» встречалась с юношеской командой (17–18 лет) «Динамо». Это была товарищеская встреча накануне открытия спортивного сезона, который стартовал через неделю. Силы были неравны, и мы проиграли динамовцам с крупным счетом. Да, понимали, что они старше и сильнее, но все равно было очень обидно. Идем со стадиона, переживаем, смотрим: у почтамта митинг... началась война...

На фронт я ушел добровольно 10 ноября 1942 года за месяц до 17-летия. Мне удалось подделать документы, и я умудрился так надоесть строгому капитану в военкомате, что он, наконец, не выдержал: «Ну ладно, давай, иди, войной...» Поначалу меня направили в Троицкое военное авиационное училище, а с июня по сентябрь 1943 года я прошел стажировку на Калининском фронте. Потом наш курс сдал экзамены, и мы отправились на 3-й Украинский фронт, а потом на 1-й... И так дошли до Берлина.

Секешвежер, Австрия. 1945

А служил я на аэродроме механиком по вооружению воздушного стрелка. Нас готовили по двум специальностям: механика и стрелка. В основном я выполнял обязанности механика, но в особенно напряженное время вылетал и в качестве стрелка. Конечно, это было очень страшно, особенно когда попадали под зенитный огонь...

Где-то лет двадцать, до 1965 года, про войну я старался не думать, она была как бы на задворках сознания, но потом мы стали встречаться с фронтовиками и вспоминать... Сложные это чувства, сложные: и боль, и радость, и горе, и гордость... Иногда меня спрашивают о моем отношении к Сталину. Что тут ответить? Во время войны он был верховным главнокомандующим. Кто тогда мог предостеречь, что скажет Никита Хрущев в 1956 году на XX съезде КПСС о культе личности? Никто! Мы были потрясены этим. Но в войну такая фигура была необходима. Фронт

Боевые товарищи

его чувствовал. Приказ Сталина — святое. Если Сталин сказал — никто приказ не обсуждал, а шел на смерть...

Когда началось наступление на Берлин — все мы буквально горели священным огнем. Никто не считался со временем, штурмовики летали с утра до вечера, а мы таскали и таскали бомбы. На ИЛ-2 две пушки (23 мм) по 300 снарядов и скорострельные пулеметы ШКАС — 1800 выстрелов в минуту. Ящики по 1500 патронов плюс 8 ракет и 400 кг бомб — это четыре ящика по 100 кг, или, допустим, в люке 16 коробок по 25 осколочных снарядов — смотря какая цель. А чтобы бомбить танковые колонны, мы грузили противотанковые бомбы — всего 300 штук. Тут перед вылетом надо было пальцами вытащить стопор взрывателя, то есть 300 стопоров аккуратно вытаскиваешь и укладываешь... Очень непростое дело! А еще, к примеру, берешь снаряд в 50 кг на плечо и тащишь или тянешь его по земле за стабилизатор. Иногда мы и парами работали, если обстановка позволяла, приравливались, как могли...

В целом я прослужил восемь лет — до 1950 года. Кстати, Юрий Катук, который служил радистом, демобилизовался в сентябре, а я в октябре. Мне было уже 25 лет! Вернулся домой, но после армейской среды я чувствовал себя неловко, не мог адаптироваться в мирной жизни. И вот встречаю еще довоенного знакомого — он был постарше

меня и когда-то дружил с моим братом. А брат мой после демобилизации побыл немного в Челябинске, а потом переехал в Кострому, откуда у него была жена, тоже военная, с которой они вместе служили.

И вот я встретил этого товарища, который поначалу меня не узнал. Он тоже окончил Омское летное училище, но после войны больше не служил. И тут судьба нас свела. Он сразу меня потащил в областное управление профтехобразования «Трудовые резервы», где сам работал, мол, у них есть место инспектора по технике безопасности. Привел он меня к начальнику отдела Владимиру Александровичу Комиссарову, тот удивился: «Молодой совсем, никакого опыта, зачем ты его привел?»

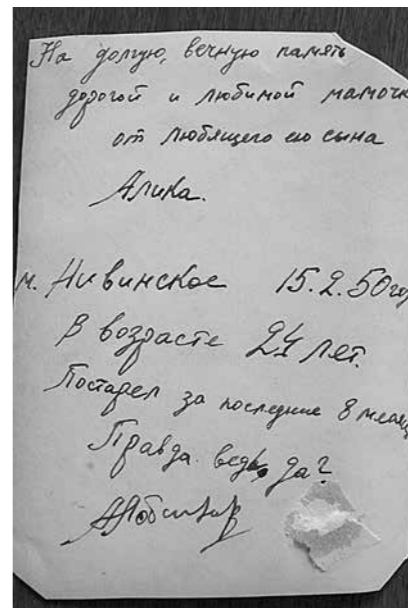
Тогда заместителем председателя общества «Трудовые резервы» был старейший работник Константин Константинович Голев. А его жена Ольга Ивановна Стрелова работала директором 17-й школы, а потом стала заведующей облоно. И Комиссаров стал уговаривать Голева: «Нам требуется инспектор, конечно, парень молодой, но мы поможем ему освоиться. А еще он хорошо играет в футбол!» Так я стал инспектором по технике безопас-

Винер-Нойштадт, Австрия. Май, 1946 г.

Адольф Лобанов, Нивинское, 15.02.1950

Оборот фото

ности, изучил свои обязанности и выполнял положенную работу. И вскоре сам Голев записал в моей характеристике для городского комитета по физкультуре и спорту: «В течение двух недель вошел в колею...» Ну а потом я окончил в Миассе педучилище физвоспитания и Омский институт физкультуры. Когда Катук назначили ректором челябинского филиала Омского института, я уже его окончил...

С Катуким мы уже не общаемся, он давно болеет. (Этот разговор состоялся в марте 2013 года — Прим. ред.) Ну а с Сашей Миллером мы всегда на связи. Он может

Советские физкультурники

по любому вопросу заехать ко мне вечером после тренировки: «Адольф Николаевич, мне надо обсудить такое-то дело, лучше не по телефону». — «Хорошо, приезжай...» Мы с ним посидим, подумаем и всё решим. Миллер умеет себя вести с любым человеком: с одним так, с другим этак, правда, завистников у него всегда было много, но он сумел заслужить большое уважение.

Судья в поле Адольф Лобанов. Лагерь отдыха на оз. Мальей Сунукль, 1958

И увлечься можно чем угодно даже после того, как оставишь свою работу... Я ушел на пенсию в 86 лет, последнее время болею, мотор начал сдавать... **БК**

За Победу! 9 мая 2005 года

Люди же очень разные: кто-то во власть стремится, кто-то к деньгам, наживе, но приходит время, когда придется уходить из активной жизни. Мне кажется, некоторым людям трудно найти место внутри себя, поэтому многие трусят, боятся возраста.

Вот человеку всего 65–66 лет, а он, например, лишился высокой должности и не знает, как жить дальше. А, скажем, те же большие деньги, которые он зарабатывал, — они ведь ему душу не греют. Но впереди-то еще много жизни, и каждый день может быть радостным — только надо двигаться, чем-то увлекаться, заводиться, а не ждать какого-то конца.